

75. Козлов С. А. Шишков Николай Петрович // Там же. С. 1176—1177.
76. Стичак В. В., Остроумов В. Б. Развитие сахарной промышленности в России. Курск, 2010.
77. Елина О. Ю. Сельскохозяйственные общества // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / отв. ред. А. С. Туманова. М., 2011. С. 315—373.
78. Елина О. Ю. Сельскохозяйственные общества России, 1765—1920-е годы: вклад в развитие агрономии // РИ. 2011. № 2. С. 27—44.
79. Нарыкова Н. М. «Русское зерно» как специфический тип сельскохозяйственного общества в дореволюционной России // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. тематич. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2011. Вып. 18. С. 153—164.
80. Козлов С. А. «Земледельческий журнал» (1821—1840) как источник по аграрной истории дореформенной России // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова : сб. ст. / отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2012. С. 329—343.
81. Куреньшев А. А. Сельскохозяйственная столица России : очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818—1929 гг.). М., 2012.
82. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 419. МОСХ. Оп. 1. Д. 3912. Бобринский А. А. (1835).
83. Рянский Р. Л. Современники о причинах, препятствовавших развитию рационального хозяйства в дореформенной России. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/019-008.pdf> (дата обращения: 14.05.2013).
84. Смоляков В. А. Патриарх российского шелководства. URL: <http://www.sknews.ru/photo/46338-patriarx-rossijskogo-helkovedstva.html> (дата обращения: 14.05.2013).

К. М. Ячменихин

Система землепользования в округах военных поселений и пахотных солдат Могилевской и Витебской губерний в первой половине XIX столетия

Проанализировано развертывание военных поселений пехоты в Могилевской и Витебской губерниях. Охарактеризованы организация и эволюция системы землепользования, определены ее особенности в этих округах.

Серьезные проблемы социально-экономического характера, возникшие перед правительством Александра I после окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., за-

стали прибегнуть к поиску мер по стабилизации ситуации. Одной из них стало массовое введение округов военных поселений, которые, по мнению Александра I, должны были радикально сократить расходы на комплектование и содержание армии.

Первые опыты по поселению войск относятся еще к 1810—1812 гг. Летом 1810 г. император в знак примирения с А. А. Аракчеевым (размолвка была вызвана обидой последнего в связи с его отстранением от участия в обсуждении проектов государственных преобразований М. М. Сперанского) посетил его Грузинское поместье в Новгородской губернии и был поражен организацией хозяйства и бытом крестьян [1, с. 38]. По моему мнению, именно эта поездка и натолкнула его на мысль о «поселении» армии на постоянные квартиры. В июле 1810 г. начальник 2-й пехотной дивизии генерал-майор Н. И. Лавров получил предписание прибыть в Витебскую и Могилевскую губернии в связи с определением мест для будущих округов военных поселений ряда пехотных полков. Одновременно в Елецком мушкетерском полку начался тщательный отбор солдат для перевода в военные поселения; 10 ноября 1810 г. последовал указ о поселении запасного батальона этого полка в Бобылецком старостве Климовичского уезда Могилевской губернии [2, ф. 405, оп. 1, д. 1, л. 460—461]. Непосредственная подготовка округа к поселению войск возлагалась на генерал-майора Н. И. Лаврова, общее руководство поручалось графу А. А. Аракчееву как начальнику Военного департамента Государственного совета.

Отрабатывалось два варианта поселения пехотного полка. Первый: «поселить» всех солдат и унтер-офицеров, которые должны были совмещать строевую службу с занятиями сельским хозяйством. Второй: «поселить» один батальон полка, основной обязанностью которого становилось снабжение двух других (так называемых «действующих») батальонов полка продовольствием, фуражом и постоянными квартирами. Принятие второго варианта к руководству и предопределило, по-видимому, начало массового формирования запасных батальонов и эскадронов, которые впоследствии стали основой, ядром округов военных поселений.

Сразу возникла сложная проблема: как поступить с местными жителями? Перевести их в разряд военных поселян-хозяев, присоединив к таковым из запасных батальонов, или выселить за пределы военных поселений? В 1810 г. было принято решение отселить жителей Бобылецкого староства (667 семейств, включавших 2033 ре-

визских душ и проживавших в 18 деревнях) в Новороссию [2, ф. 405, оп. 1, д. 1, л. 187]. Операцию предполагалось завершить к весне 1811 г. с тем, чтобы поселяне успели сделать пробные засева полей, однако в связи с плохой подготовкой и отсутствием достаточных средств сделать это в намеченные сроки не удалось.

Лишь в феврале 1812 г. началось введение запасного батальона (командир — майор Ф.Л. Насекин) в округ поселения и его обустройство. Елецкий полк с конца 1810 г. стоял постоем как в самом Бобылецком старостве, так и в прилегающих селениях. Часть имущества отселяемых крестьян (скот, домашняя утварь и др.) была закуплена казной и передана в пользование военных поселян. В течение весны 1812 г. они сумели провести посев яровых хлебов и построить некоторое количество жилья. Начавшаяся Отечественная война прервала эксперимент. Батальон майора Ф.Л. Насекина выступил к Смоленску на соединение с отрядом генерала Ф.Ф. Винценгероде. В округ поселения он вернулся из Белостокской области в марте 1813 г. [2, ф. 405, оп. 1, д. 1, л. 6—7].

Хозяйственное обустройство округа проходило очень медленно и трудно, поскольку во время военных действий он был разорен неприятелем, а затем пострадал от крестьян соседних деревень. Кроме того, изменилось штатное расписание армейских подразделений: численность батальона практически удваивалась и включала 1 тыс. нижних чинов. В 1814 г. генерал-инспектор всей пехоты и артиллерии генерал от артиллерии граф А.А. Аракчеев совместно с майором Ф.Л. Насекиным разработали «Положение поселяемому батальону Елецкого пехотного полка» [2, ф. 405, оп. 1, д. 2, л. 130—135]. Необходимость в таком документе была вызвана тем, что требовалось четко обозначить основные права и обязанности поселян, тем более что некоторые из них стали проявлять недовольство ввиду отсутствия ясности в их социальных и имущественных правах. В этом же году начались землеустроительные работы и индивидуальное наделение поселян землей, что позволило провести посев озимых, а весной 1815 г. яровых хлебов. После уборочных работ, в сентябре месяце, поселяне-хозяева были переведены на кантонир-квартиры для проведения строевых занятий. Следовательно, от «фронта» они были освобождены на незначительный промежуток времени. Тогда же началось активное переселение к ним жен и детей, а в 1816 г. в округ был введен один из действующих батальонов полка для оказания помощи в сельскохозяйственных работах. Второй не удалось

разместить из-за отсутствия достаточного количества жилья [2, ф. 405, оп. 1, д. 4, л. 120].

В феврале 1816 г. А.А. Аракчеев получил рапорт майора Ф.Л. Насекина, в котором обосновывалась идея, что при создании новых поселений не следует отселять местных жителей, поскольку проще и дешевле включить их в состав поселенных батальонов и за счет их материальной базы укреплять хозяйственную основу округов. Это, в свою очередь, должно было в значительной степени снизить расходы на содержание армии [3, ф. 1409, оп. 1, д. 1536, л. 2—5]. Следовательно, опыт организации первого поселения в Белоруссии эмпирическим путем предопределил схему основания округов, которые впоследствии стали массово создаваться.

В 1816—1817 гг. начинается массовое поселение войск. Закончился подготовительный период (1810—1815 гг.), который знаменовался первым, опытным поселением Елецкого пехотного полка и разработкой общих принципов формирования структуры поселенной системы войск. Логика развития событий подсказывала, что пехоту необходимо селить в Могилевской и Витебской губерниях и тем самым как бы стратегически (прикрытие границ) продолжить поселение Елецкого полка. В августе 1816 г. начальник 11-й пехотной дивизии, в состав которой входил этот полк, генерал-лейтенант А.И. Цвилленев получил предписание осмотреть территорию Могилевской губернии с целью выбора мест для округов поселений [2, ф. 405, оп. 1, д. 4, л. 314—315].

Следует отметить, что подобная процедура была сопряжена с большими трудностями, поскольку необходимо было учесть такие факторы, как наличие достаточного количества удобных государственных земель, строевого и дровяного леса, мужского населения, годного к строевой службе, и многое другое.

В сентябре этого же года император посетил округ поселения Елецкого полка и остался доволен ходом его создания. Если раньше он знал о положении дел только из рапортов А.А. Аракчеева, то теперь он воочию убедился не только в возможности, но и необходимости перевода хотя бы части армии на положение поселенной. Правда сразу же пришлось отказаться от продолжения поселения войск в Могилевской губернии, поскольку здесь практически отсутствовал фонд свободных государственных земель. Генерал-лейтенантом Цвилленевым и полковником Тургеневым были обследованы некоторые казенные волости Смоленской губернии. Во всепод-

даннейшем рапорте они докладывали, что здесь «грунт земли особо преимущественнее противу староств Могилевской губ., равномерно и крестьяне — хотя во время нашествия неприятеля имели чувствительное разорение, но за всем сим в хозяйстве зажиточнее белорусцов, почему и военные поселения более могут иметь способ к заведению и усовершенствованию хозяйства» [2, ф. 405, оп. 1, д. 151, л. 511]. Однако для поселения пехоты в силу ряда обстоятельств выбор все-таки пал на Новгородскую губернию, кавалерию было решено поселить в Слободско-Украинской и Херсонской губерниях.

Поскольку было принято предложение командира поселенного батальона Елецкого пехотного полка подполковника Ф.Л. Насекина о смешанном составе поселенного батальона, то есть состоящем как из местных жителей, так и солдат, решили создать на базе вторых батальонов так называемые кадры (некомплектные подразделения) в составе 600—700 нижних чинов для направления их в места будущих поселений. Затем они доукомплектовывались местными жителями до штатного состава (1 тыс. нижних чинов) и таким образом формировался поселенный батальон. По мере своего хозяйственного обустройства (налаживание сельскохозяйственного производства, строительство жилья, создание соответствующей инфраструктуры округа) каждый такой «поселенный» батальон должен был принять «на постой», то есть обеспечить продовольствием, фуражом и рекрутами два остальных батальона полка, которые назывались «действующими».

Весной 1817 г. вблизи округа поселения Елецкого пехотного полка, на землях бывшего Ануфриевского монастыря, началось создание округа поселения Полоцкого пехотного полка 11-й пехотной дивизии [2, ф. 405, оп. 1, д. 10, л. 476].

После восшествия на престол императора Николая I было решено достаточно радикально реформировать структуру военных поселений. В первую очередь предполагалось преобразовать поселения пехоты, где организационный период слишком затянулся, вследствие чего переход на самообеспечение продовольствием и фуражом проходил очень медленно и болезненно, особенно в округах, расположенных в Могилевской губернии. Решить эту проблему представлялось возможным только за счет увеличения производительности поселянского хозяйства. В свою очередь, этого можно было достичь только путем освобождения поселян-хозяев от строевой службы, что и было сделано путем утверждения в ноябре 1826 г. «Положения о

полном составе поселенного пешего полка и его обязанностях» [2, ф. 405, оп. 1, д. 383, л. 359—391].

В 1827 г. на базе поселенных батальонов Елецкого и Полоцкого пехотных полков был создан округ поселения 2-й пионерной бригады. На следующий год приняли решение о создании округа 1-й пионерной бригады в Динабургском старостве Витебской губернии. Осенью 1828 г. поселенные инженерные войска были сведены в отряд. Следует отметить, что подготовительные работы по поселению 1-й пионерной бригады осуществлялись в обстановке строгой секретности, поскольку у властей имелись веские основания опасаться проявления резкого недовольства местных жителей.

Большую роль в судьбе военных поселений сыграло восстание военных поселян в Новгородской губернии (1831 г.). Правительство Николая I встало перед дилеммой: либо окончательно их ликвидировать, либо пойти на их дальнейшую «либерализацию». Особое беспокойство вызывали округа пехоты, где переход на самообеспечение продовольствием даже после реформы 1826 г. проходил крайне медленно. В то же время здесь была создана довольно развитая сельскохозяйственная инфраструктура [4, с. 135].

В 1831 г. округа поселенного Гренадерского корпуса (Новгородская губерния), а в 1836 г. округа пионерных бригад были преобразованы в округа пахотных солдат. Поселенные роты ликвидировались, а округа делились на волости. Вместо натурального содержания войск пахотные солдаты уплачивали оброк в размере 60 руб. ассигнациями с хозяина и 15 руб. с каждой души мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет. На основе округов пионерных бригад, расквартированных в Могилевской и Витебской губерниях, были созданы два округа пахотных солдат. Их территория не принадлежала теперь 1-й и 2-й пионерным бригадам, но в отличие от бывших Новгородских поселений, которые были буквально наводнены войсками, здесь оставался только личный состав бывших поселенных батальонов.

В августе 1856 г. военный министр Н.О. Сухозанет на основании распоряжения императора отдал приказ директору Департамента военных поселений генерал-лейтенанту А.И. Веригину разработать план мероприятий по передаче округов пахотных солдат в ведение Министерства уделов, а 21 сентября 1856 г. высочайшим указом Правительствующему сенату предписывалось: «Признав за благо передать округа пахотных солдат в Новгородской, Витебской и Мо-

гилевской губерниях в ведомство Министерства уделов, с устройством сих округов на общих основаниях устройства удельных имений, повелеваем привести эту меру в исполнение посредством министерств — Военного и Уделов» [5]. Пахотные солдаты Витебского и Могилевского округов, «из коих в первом числе 6200, а в другом 4400 душ, подчинялись, по примеру Гдовского Ея Величества имения, каждый отдельному управлению под заведыванием особых чиновников» [2, ф. 405, оп. 4, д. 8822, л. 1—4].

Экономической основой военных поселений являлось сельскохозяйственное производство, а основной производственной ячейкой — хозяйство военного поселенца, которое должно было обеспечивать поселенные войска продовольствием и фуражом, а также комплектовать их личным составом. Возлагая на него столь многочисленные и тяжелые обязанности, власти вынуждены были искать новые пути его организации и функционирования с целью создания зажиточного, крепкого крестьянского хозяйства. Если в южных регионах страны, более благоприятных для ведения сельского хозяйства (где были развернуты округа кавалерии), не требовалось значительных затрат, чтобы обеспечить стабильность урожайности зерновых и развития животноводства, то в округах пехоты и инженерных войск для успешного решения этой задачи требовались немалые усилия, поскольку уровень урожайности здесь зависел в первую очередь от таких агротехнических приемов, как удобрение полей и осушение почвы [6, с. 34].

Северо-запад страны был старым земледельческим регионом с богатыми традициями землепользования. По мере развития товарно-денежных отношений этот регион, обладавший достаточно развитой сетью транспортных коммуникаций, начал специализироваться на мелкотоварном производстве технических культур и фуража. Особенно ценился лен, пользовавшийся спросом, как в стране, так и за рубежом. В начале XIX в. многие крестьянские хозяйства, хорошо обеспеченные земельными угодьями и скотом, были прочно втянуты в рыночные отношения. Успешно развивались отходничество и торговля.

Одной из составляющих сельскохозяйственного производства является система землепользования. С введением военных поселений общинное землепользование (там, где оно существовало) было отменено, а «вся пахотная земля округов военных поселений должна быть разделена по хозяйствам на равные участки; сенокосная и паст-

бишная, во внимание неодинакового всегда урожая травы, предоставляется без раздела в общее их [поселян-хозяев] пользование по распоряжению комитета полкового управления, делаемого ежегодно в начале лета» [2, ф. 405, оп. 1, д. 59, л. 70]. Одна из трудностей в земельном устройстве заключалась в том, что военные поселенцы «имеют там [в округах] свои дачи на праве помещиц, одни довольно обширны, а другие меньше, следовательно, разделение земли на равные между ними участки было бы нарушением права собственности, если не определить на оную вознаграждение», а поскольку считалось, что «частное владение военных поселенцев землею несовместимо с их званием и препятствует достижению цели военных поселений», то по приказу А. А. Аракчеева, было выявлено количество таких владений с целью дальнейшего их выкупа [2, ф. 405, оп. 1, д. 10, л. 570].

В округах пехоты сразу же возник вопрос о наделении поселенцев достаточным количеством земли, поскольку численность поселенческих хозяйств в 2—3 раза превышала ранее существовавшее количество хозяйств крестьянских. По расчетам командования, минимальный надел должен был составить 10 дес. на каждое хозяйство (усадебная и огородная — 1 дес., пашня по две десятины в трех полях — 6 дес., сенокосы — 2 дес., выгон — 1 дес.) [2, ф. 405, оп. 1, д. 10, л. 575]. Особенно остро встал вопрос о наделении поселенцев землей в округах Полоцкого и Елецкого пехотных полков в Могилевской губернии, где особенно не хватало сенокосов, что делало невыполнимой установку командования: довести обеспеченность поселенческих хозяйств скотом в пропорции не менее двух лошадей и шести коров на хозяйство [2, ф. 405, оп. 1, д. 383, л. 145].

Практика военных поселений показала: если в округах кавалерии подобные размеры наделов хотя и не полностью, но соответствовали необходимым нормам, то в округах пехоты и инженерных войск земли было явно недостаточно для выполнения возлагаемых на поселенческое хозяйство функций. «Учреждение о военном поселении» обходит молчанием вопрос о способах наделения поселенцев землей. В нем лишь декларировался принцип сохранения хозяйства в том виде, в котором оно существовало до перехода в военное поселение. Однако на практике изменилась почти вся сложившаяся система землепользования, поскольку привязка ротных поселков не совпадала с прежним расположением населенных пунктов. Резервы для наделения землей штатного количества хозяев в поселенном батальоне

не (912 хозяйств) виделись главным образом в осушении и расчистке новых территорий (для чего требовались значительные финансовые затраты, людская сила и время), а также в покупке и обмене угодий. Именно на период перевода поселян на новые участки (1819—1820 гг.), когда они частично продолжали пользоваться старыми, а также вновь освоенными наделами, приходится самая низкая урожайность в округах Елецкого и Полоцкого полков: сам-2,5 озимых и сам-2 яровых.

В округе 1-й саперной бригады (Витебская губерния) «расчистка полей и осушение болот не производились, как равно и разделения оных на участки военных поселян, как разделяют между собою удобную и неудобную землю» [2, ф. 405, оп. 2, д. 3646, л. 14—15]. В округе 2-й саперной бригады (Могилевская губерния) размежевание земель было произведено в 1818—1820 гг. Здесь, как и в округах 1-й гренадерской дивизии (Новгородский уезд), практиковались расчистка и осушение земель «по мере необходимости».

В сложном положении оказались хозяева, которые раньше проживали на хуторах и в небольших деревнях, поскольку именно их усадьбы подлежали переносу на новые места в первую очередь. Приходилось либо бросать освоенные участки и начинать хозяйство практически заново, либо преодолевать большие расстояния для работы на старых угодьях. Отказы командования оставить их на прежнем месте жительства обычно мотивировались тем, что округа могут лишиться значительного количества зажиточных хозяев, а также ослабнет контроль над исполнением общественных работ и содержанием постояльцев. Расположение ротных поселков также создавало неудобства в землепользовании, поскольку дома-связи зачастую были расположены в удаленности от полей, лугов и пастбищ [2, ф. 405, оп. 10, д. 1798, л. 4].

К концу 1820-х гг. пришлось пересмотреть нормы наделения земель, поскольку 10 дес. на хозяйство оказалось явно недостаточно не только для содержания постояльцев из действующих батальонов, но и собственных семей. Было принято решение увеличить земельный надел на каждое хозяйство до 15 дес. В 1829 г. поселянам-хозяевам разрешалось приобретать ненаселенные земли при условии, что они «должны оставаться на жительстве непременно в тех поселенных ротах, в коих состоят по описям и исполняют обязанности и повинности, званию их присвоенные» [2, ф. 405, оп. 2, д. 1971, л. 14]. Малоземелье вынуждало арендовать земли, особенно

луга и выгоны, зачастую на невыгодных условиях. В округах пехоты преобладала коллективная потребительская форма аренды; а кавалерии же, где не ощущался земельный голод, была распространена предпринимательская аренда. После 1829 г. наблюдаются случаи приобретения земли в частную собственность зажиточными поселянами. В таких крупных хозяйствах применялся наемный труд в первую очередь своих односельчан. Однако подобная практика была весьма редкой.

Следующим источником пополнения земельного фонда округов военных поселений являлись покупка и обмен земель казной. Зачастую государство просто отрезало в пользу округов «излишние сверх 15-десятинной пропорции» земли государственных крестьян. Если и выплачивалась компенсация, то она не превышала 65—75 коп. за десятину (рыночная стоимость 35—40 руб.). Согласно законодательству внутри округов не допускалось существование частновладельческих земель, поэтому их собственникам было предложено либо продать их в казну либо обменять. Помещики, воспользовавшись ситуацией, запросили цены, превышающие рыночные в 2—2,5 раза. Переговоры затянулись. В итоге в среднем каждая десятина населенных земель обошлась казне, по нашим подсчетам, в 300 руб., а ненаселенных — в 65 руб.

После преобразования округов пехотных и пионерных полков в округа пахотных солдат в структуре их землепользования произошел ряд существенных изменений, что было связано прежде всего с введением оброчных платежей вместо натуральных поставок продовольствия. Согласно указу от 25 марта 1832 г. на каждого хозяина выделалось 15 дес. земли [2, ф. 405, оп. 2, д. 3661, л. 153]. В действительности достичь такой нормы наделения не удалось. Кроме того, практика передела земель согласно числу хозяев не нашла поддержки как со стороны пахотных солдат, так и местного начальства, поскольку «в случае наделения всех хозяев 15 десятинами удобной земли, малосемейные хозяева имели бы ее больше, чем в состоянии были обработать, а многосемейные хозяева испытывали бы недостаток в земле». Учитывая это обстоятельство, а также с целью унификации сбора оброка во всех округах командование решило разделить земли по количеству душ в хозяйствах [2, ф. 397, оп. 6, д. 18, л. 19—21, 128—130].

Однако душевые участки земли зачастую отличались размерами даже в селениях одного округа. При этом сумма оброка, взимавшегося с «душевого» надела, назначалась в зависимости от количества

хозяев в каждом округе, не коррелируясь с размерами этого душевого надела. Такое несоответствие ставило пахотных солдат, наделенных меньшим количеством земли, в невыгодное положение. Такая практика была исправлена указом от 9 ноября 1835 г., согласно которому предполагалось произвести перенаделение пахотных солдат и уравнивать их в пользовании наделами: каждая душа мужского пола получила в надел 6,5 дес. удобной земли [2, ф. 405, оп. 10, д. 810, л. 8]. Межевые комиссии должны были произвести нарезку земли для каждого селения пахотных солдат по количеству душ мужского пола, частное же разделение земли между жителями было предоставлено самим пахотным солдатам «по примеру селений казенного и удельного ведомств» [2, ф. 405, оп. 10, д. 810, л. 8]. Переделы предполагалось производить через каждые 15 лет. Таким образом, фактически произошел возврат к основам общинного уравнительного землепользования. Считалось, что при таком способе наделения «всякий хозяин будет владеть таким количеством земли, какое он в состоянии обработать, за которую внесет и определенный оброк». В душевой надел входили: пашня (3 дес. в трех полях), сенокосы (2 дес.), земля под строениями, огородом и выгоном (1,5 дес.). Передача частного наделения в ведение самых пахотных солдат была продиктована тем, что земля в пределах даже одного селения зачастую была разного качества.

Перенаделение пахотных солдат в округах, расположенных в Могилевской и Витебской губерниях, растянулось на десятилетие и завершилось в 1846 г. Лесные участки не включались в надел и оставались в ведении специально созданного лесного управления, причем пользоваться ими разрешалось только на определенных условиях. Так, например, в них категорически запрещалась вырубка «для развития внутри оных распахек» [2, ф. 405, оп. 4, д. 4414, л. 136].

После перенаделения пахотных солдат в Витебской губернии не хватало земли на 1069 душ [2, ф. 405, оп. 4, д. 6027, л. 133]. Командование предложило перевести их в округи Новгородского уезда, однако пахотные солдаты категорически отказались выполнить это распоряжение, тогда было принято решение увеличить земельный фонд округа традиционным путем: за счет приобретений и расчисток [2, ф. 405, оп. 4, д. 6027, л. 133]. Стремление к уравнительному землепользованию — учет качества земли и ее удаленности от жилья — приводило к тому, что наделная земля пахотных солдат была разде-

лена на большое число полос в каждом поле (до десяти и более), что значительно затрудняло ее обработку ввиду многочисленных переводов с одной полосы на другую. По нашим подсчетам, в результате перераспределения и освоения новых земель наделы пахотных солдат на двор составляли в среднем около 18 дес.

Следовательно, пахотные солдаты округов в Могилевской и Витебской губерниях в отличие от поселян-хозяев, каковыми они являлись до 1836 г., были обеспечены наделами, гарантирующими минимум возможностей для простого воспроизводства при урожайности не ниже сам-3. По мнению исследователей, размер такого душевого надела в первой половине XIX в. должен был составлять в нечерноземной зоне около 2,5 дес. пахотной земли [7, с. 263—264].

Несколько хуже обстояло дело с обеспечением военных поселян (позже пахотных солдат) сенокосами. Перед поступлением в военное поселение крестьяне Могилевской губернии брали основную массу кормов не с наделных сенокосов, а с собственных расчисток в лесах. После создания округов военных поселений леса перестали входить в наделные земли, и поселяне потеряли возможность не только осваивать новые сенокосы, но и потеряли старые. Однако пахотные солдаты были лучше обеспечены этими угодьями, чем крестьяне других категорий в регионе, а также военные поселяне кавалерийских округов. Но при этом необходимо иметь в виду, что поголовье скота в расчете на душу населения у них было несколько выше. Те пахотные солдаты, в хозяйстве которых было более двух коров на душу, вынуждены были снимать или покупать сенокосы, поскольку наделных лугов им не хватало [2, ф. 405, оп. 4, д. 4288, л. 21].

Качество наделных сенокосов, как правило, было неудовлетворительным. Не хватало пойменных лугов, основную часть составляли «нагорные» или болотистые места. Ежегодные переделы этих лугов приводили к тому, что поселяне и пахотные солдаты переставали их окультуривать. Как уже отмечалось, лучшие сенокосы были представлены расчищенными в лесах участками. За счет оставшихся в земле корней и опавшей листвы эти земли давали в течение 7—10 лет укосы до 170—200 пуд. с десятины, тогда как на других сенокосах этот показатель не превышал 35—40 пуд. [2, ф. 405, оп. 4, д. 5433, л. 2—3].

Недостаток сенокосов восполнялся различными способами, с преобладанием осушения болотистых мест. По положению эти вновь освоенные участки состояли в пожизненном пользовании военных поселян и не могли быть проданы или переданы другим владельцам

[З, ф. 515, оп. 11, д. 6050, л. 80—83]. Подобная практика была обоюдовыгодной как для командования округов, которое безо всяких дополнительных затрат увеличивало фонд удобных земель, так и поселянам, поскольку эти земли не облагались дополнительными платежами.

В 1830—1850-х гг. пахотные солдаты кроме надела часто продолжали использовать арендованные земли. Как правило, аренда носила потребительский характер, но наряду с ней некоторое распространение получила аренда с целью предпринимательской деятельности. Такая аренда, в свою очередь, свидетельствовала об углубляющейся имущественной дифференциации в среде пахотных солдат, поскольку арендаторы крупных участков (до 1 тыс. дес. и более), несомненно, должны были использовать наемную рабочую силу, в качестве которой прежде всего выступали их односельчане. Арендовались в основном сенокосы и пастбища, гораздо реже земли под пашни и огороды.

Сроки аренды были самыми разнообразными. Поначалу командование практиковало годичную форму, а с развитием предпринимательства она была увеличена до 5—10 лет [2, ф. 405, оп. 4, д. 227, л. 1—2]. Источником аренды являлись земли, оставшиеся после наделения военных поселян и пахотных солдат узаконенной нормой, а также частные земли помещиков, мещан, ямщиков и т.п. Надельные земли редко служили основой для арендных сделок. Так, например, если пахотным солдатам отводились земли на значительном удалении от места жительства, то они иногда сдавали их в аренду, чтобы, в свою очередь, арендовать более близкие земли. Нередко такие сделки были невыгодными из-за качества угодий. По форме аренда могла быть как индивидуальной, так и коллективной. Наличие покупных земель в округах пахотных солдат Могилевской и Витебской губерний нами не зафиксированы.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что система землепользования в округах военных поселений и пахотных солдат, расположенных в Могилевской и Витебской губерниях, складывалась постепенно, пройдя сложный путь проверки на практике: от уравнительного к индивидуальному и затем обратно — к уравнительному землепользованию. В целом же есть основания утверждать, что наделение военных поселян и пахотных солдат указанных округов землей, особенно в 1830—1850-е гг., было достаточным и гарантировало минимум возможностей для простого воспроизводства. Что касается предпринимательского производства, то оно находилось еще в зачаточном состоянии.

Список источников и литературы

1. Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 18—62.
2. Российский государственный военно-исторический архив.
3. Российский государственный исторический архив.
4. Ячменихин К. М. Особенности землепользования и землевладения в округах военных поселений и пахотных солдат в первой половине XIX в. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты) : матер. XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 130—139.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 31, № 30970.
6. Бычков Г. И. Опыт подворного исследования экономического положения и хозяйства крестьян в трех волостях Новгородского уезда. Новгород, 1882.
7. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.

Л. И. Земцов

«...Без страха и трепета...»: суд великорусского крестьянства в 60—80-х годах XIX века

Рассмотрены вопросы создания и деятельности крестьянского волостного суда, использовавшего в своей практике нормы обычного права. Отмечено серьезное влияние волостного суда на формирование правовой культуры великорусского населения центральных губерний страны. Охарактеризованы причины, по которым крестьяне стремились сохранить сословный суд, несмотря на то что отдельные стороны его функционирования критически оценивались земледельцами.

Во второй половине XIX в. произошли серьезные перемены в судебной системе России. Традиционно они связываются с реформой 1864 г. Но для повседневной жизни большинства населения (крестьян) значимость имели те изменения в судебной системе